

Об учителя добрым словом

Д. А. Бондаренко

В 1971 году я стал студентом 1 курса естественно-географического факультета МОПИ им Н. К. Крупской. Преподавательский состав кафедры зоологии в то время был сильным. Здесь работали известные в своей области специалисты: профессор Ольга Николаевна Сазонова, доценты Мария Николаевна Денисова, Ленина Владимировна Руденская, Ирина Николаевна Васильева и Вера Ивановна Подаруева. Возглавлял кафедру профессор Александр Петрович Кузякин. По этой причине в институт поступала молодежь, уже имевшая подготовку в биологических кружках Всесоюзного общества охраны природы и Клуба юных биологов зоопарка. У этих первокурсников уже сформировался интерес к предмету, некоторые их наставники сами обучались в прошлом в этом институте.

Другие первокурсники не были кружковцами, но их интерес к зоологической науке также быстро складывался благодаря той атмосфере, в которую они попадали. Здесь была большая заслуга преподавателей и особенно Александра Петровича. Благодаря ему на кафедре задолго до нашего поступления был создан и долгие годы работал научный зоологический кружок. На заседаниях кружка студенты делали вполне серьезные доклады о результатах наблюдений за животными в различных районах Советского Союза, куда им удавалось проникнуть. Часто Александр Петрович приглашал выступить с докладами своих аспирантов и учёных из других учреждений. Слушая на заседаниях кружка рассказы об увлекательных поездках, каждому новичку хотелось оказаться на их месте в экспедиции и наблюдать животных в природе. У меня сравнительно рано сложился интерес к герпетологии. Поэтому я всегда хотел побывать в пустыне, где видовое разнообразие и обилие пресмыкающихся, ни в какое сравнение не шло с Подмосковьем.

Иногда мечте помогает случай. В апреле женская половина курса на целый месяц ушла на занятия по медицинской подготовке, а парни оказались не у дел. Почему-то нас упустили и не загрузили учёбой. Образовавшееся в учебе «окно» захотелось использовать с пользой. Помню, как я, Сергей Пищенко и Володя Фоменко, зайдя в кабинет заведующего кафедрой, обратились с просьбой содействовать в поездке на юг страны, в какое-нибудь интересное место. К нашей радости Александр Петрович не только поддержал инициативу, но и сделал встречное предложение присоединиться к нему в поездке в Среднюю Азию. Оказалось, что он собирался в апреле в плановую командировку к своему целевому аспиранту, работавшему в Туркмении в педагогическом институте г. Чарджоу Сапару Реджепалиеву. Мы обрадовались: представился счастливый случай в одной команде с заслуженным педагогом и учёным побывать в экзотическом регионе. В марте-апреле пустыня оживает после зимнего оцепенения. Этот период считается одним из самых благоприятных для наблюдения за жизнью животных.

Собрались, полетели. Летели через Ашхабад. Прилетели в город утром. Рейс на Чарджоу был ближе к вечеру и Александр Петрович повёз нас под

Ашхабад, надеясь отловить уникальную бабочку — ашхабадскую белянку (*Elphinstonia tomyris Chr.*), обитавшую только здесь на очень узкой полосе предгорий Копетдага, а заодно познакомить нас с пустыней. В Чарджоу прилетели поздно. В аэропорту тепло встретил Сапар и повёз в студенческое общежитие института. Быстро разместились, но спать не хотелось, несмотря на усталость. Тёплая тихая ночь сильно контрастировала с московским холодом и интриговала. Трудно было удержаться не побродить по территории студенческого парка с фонарём. По стенам бесшумно передвигались туркестанские гекконы и богомолы, в воздухе летали экзотические ночные совки и наездники, у арыков сидели зелёные жабы...

Следующий день был организационным, пошли знакомиться с сотрудниками кафедры. Посмотрели фаунистическую коллекцию и обсудили планы. На вечер Сапар пригласил нас домой. Там впервые познакомился с бытом туркменской семьи. Было удивительно провести вечер, сидя на полу за достарханом с поджатыми под себя ногами, есть горячую шурпу и слушать интересные рассказы о природе Туркмении.

Сапар Реджепалиев работал над диссертацией по теме «Фоновые булавоусые чешуекрылые и рептилии Приамударьинской Туркмении». Ему было важно показать своему шефу типичные ландшафты, в которых он проводил сбор материала. За полторы недели мы успели побывать в песках левобережья в окрестностях железнодорожной станции Барханы, в Репетекском заповеднике, в песках на правобережье Амударьи у поселка Фараб, в амударьинском оазисе под Чарджоу, а так же в щебнистой пустыне у поселка Шагал. Последний природный комплекс оказался уникальным. В нём мы встретили узко эндемичный вид ящерицы — хентаунскую круглоголовку. Позднее я возвращался в это место специально для наблюдений за ней.

В конце апреля у студентов биофака местного вуза начиналась полевая практика в предгорьях Кугитангтау и мы на несколько дней присоединились к ним. Все места, куда мы ездили, имели неповторимую экзотику и отличались ландшафтным разнообразием. Однако наибольшее впечатление от той поездки оставили пески заповедника Репетек, которые ослепили желтизной барханов и восхитили зелёным ковром из песчаной осочки и кровельного костра, на которых выделялись пятна красных маков.

Во время поездки я наблюдал за техникой полевых работ Александра Петровича. Тогда же усвоил необходимые правила маршрутного учёта, которым позднее следовал в самостоятельной работе. Александр Петрович проводил комплексный учёт животных: птиц, бабочек и пресмыкающихся, чтобы оценить плотность их населения в ландшафте и внести коррективы в работу своего аспиранта. Записи в дневнике он делал карандашом чётким, хорошо понятным почерком, впрочем, как и надписи на коллекционных этикетках. На ночь несколько раз ставили ловушки на мелких зверьков, из которых потом делали тушки для коллекции. Его мастерство в изготовлении тушек мелких млекопитающих было непревзойденным. Это признавалось всем зоологическим сообществом и к рассказу об этом вернусь позже.

В поездке Александр Петрович не только работал в поле, но и успел

прочитать несколько лекций студентам Чарджоуского педагогического института. Сейчас он называется Туркменский государственный педагогический институт им. С. Сейди.

Обратная дорога в Москву также пролегла через Ашхабад. Будучи крупным специалистом по рукокрылым Александр Петрович не мог не заехать в Бахарденскую пещеру, в которой обитала крупнейшая в СССР колония этих зверьков. Пещера с тёплым подземным озером нас восхитила, кроме Александра Петровича. Он помнил эти места по прежним годам, когда здесь бывал, и не скрывал своего огорчения из-за изменений, которые произошли с обликом и фауной пещеры. В пещеру провели освещение, построили лестницу, и её посещение стало очень популярным у туристов и местного населения. Эти изменения отразились на состоянии многочисленной колонии летучих мышей, которая значительно уменьшила численность.

Из поездки в Туркмению вернулись под большим впечатлением. После неё укрепилось желание продолжать работу в пустыне, возвращаясь в неё снова и снова. Пока учился ежегодно приезжал в Чарджоу к Сапару. Александр Петрович всячески поддерживал этот энтузиазм. Чтобы я мог после весенней сессии быстрее уехать в поле, ходатайствовал о замене практики на подмосковной биостанции работами в экспедиции по сбору коллекции. С Сапаром мы сдружились. Он продолжал помогать в организации поездок в интересные мне места, привлекая для этого студентов, происходящих оттуда родом. Благодаря их помощи мне удалось объездить всё среднее течение Амударьи от поселка Дарган-Ата на севере до г. Керки на юге. По итогам этих поездок были сделаны доклады на заседаниях студенческого зоологического кружка и научных конференций, опубликовано несколько работ.

Александр Петрович очень доброжелательно относился к студентам и аспирантам, которые подходили к нему за советом или просили посмотреть рукопись в надежде услышать его мнение и оценку. На критику никто не жаловался. Наоборот, она принималась как должная, поскольку качество работы только улучшалось. Он всегда находил время, чтобы выслушать и помочь. Вместе с этим, он был строгим и придирчивым редактором, когда знакомился с рукописью. Он обращал внимание на правильное использование русского языка и не терпел слов-сорняков. Например, сильно возмущался, когда в тексте встречал слово «являлся». «Является приведение», — говорил он, и просил его заменить. Ещё запомнилась его выраженная принципиальность в отстаивании своей научной позиции и непримиримость к компромиссам. Эти качества он старался передать окружающим его ученикам.

Надо сказать, что с учениками часто складывались более ровные и доброжелательные отношения, чем с некоторыми равными оппонентами, которые также проторили свой путь в науке. С ними у него возникали сильные разногласия и непримиримые споры. На почве несогласия отношения могли полностью разладиться до нетерпимости. Например, Юрий Иванович Чернов, издав монографию «Природная зональность и животный мир суши» постарался полностью исключить в тексте ссылки на Алек-

сандра Петровича и любое упоминание его фамилии, хотя работа рассматривала проблемы природного районирования, зоогеографического деления и анализа структуры населения ландшафтов суши, в изучении которых Александр Петрович внёс большой вклад. Даже в списке литературы, где упоминается «Определитель млекопитающих СССР», указав первых двух авторов, вместо третьего — А. П. Кузякина, Ю. И. Чернов поставил «и др. ».

Коллегами и учениками сказано много добрых слов об Александре Петровиче, как о признанном коллекционере. С этим следует согласиться. Подчеркну лишь то, что он не скупился делиться мастерством и опытом сбора коллекций. Вспоминаются его мастер-классы по выделке тушек, которые Александр Петрович проводил на биостанциях в Акатово и Крюково. Мы смотрели и старались повторить. Тушки он делал неторопливо. Предварительно измерял зверька, чтобы повторить его размер и форму. Содержимое, включая голову и хвост, вынималось. Шкурка старательно вычищалась и обрабатывалась инсектицидным раствором для длительного хранения. На палочку по размерам зверька, как на стержень, аккуратно наматывалась слоями вата. Готовый макет вставлялся внутрь. Для придания формы и прочности хвосту в него вставлялась тонкая бамбуковая щепка. Шкурка аккуратно зашивалась на брюхе, а к задним лапкам привязывался вычищенный череп и заполненная ясным почерком этикетка. Законченная тушка поправлялась и причесывалась маленькой щёткой.

Ещё деталь. В поездках, как и в науке, Александр Петрович сохранял индивидуальный стиль. Он пользовался маленькой складной плиткой, которую растапливал таблетками сухого спирта. На ней в маленьком ковшике варил еду, а затем кипятил чай. Александр Петрович не раз повторял, что коллективный быт не должен ставить исследователей в поле в зависимость друг от друга, поскольку у каждого натуралиста свой график работ и свои задачи. Ритму работы быт мешать не должен. Позже, работая в больших коллективах, я пришёл к выводу, что индивидуальный стиль полевых работ не всегда выигрышный, но, тем не менее, бывает иногда необходим, если стоит выбор между удобством и результатом работы.

Если задаться вопросом: почему одни авторитетные учёные создали свою научную школу, а другие нет, то ответ легко найти. Те, кто не отмахнулся от молодёжи, начинающей путь в науке, но сумел заинтересовать их энтузиазмом и яркой харизмой, поддержал определиться с выбором в нужное время, у тех школа сложилась. Те же, кто следовал исключительно своим интересам, был равнодушным к ученикам, тяготился уделить им время, свою научную школу не создали. Александр Петрович был ярким учёным, создавшим направление и школу ландшафтной зоогеографии.

Занимаясь изучением экологии пустынных пресмыкающихся, я длительное время проводил их количественные учёты. Оказалось, что средние значения обилия видов в ландшафте органично соответствуют балльной шкале обилия, предложенной Александром Петровичем более полувека назад. Несмотря на критику со стороны некоторых зоологов за искусственную универсальность, шкала, тем не менее, хорошо описывает место вида в пустынном сообществе. Например, преобладающие по обилию виды

ящериц, к которым относятся круглоголовки и ящурки, в оптимальных условиях имеют обилие в пределах 10-80 особей на гектар. Среднеазиатская черепаха в оптимальных местообитаниях также имеет обилие выше 10 особей на гектар. И те и другие виды оказываются многочисленными согласно шкале обилия. Как показали наблюдения в пустынях, плотность населения обычных видов пресмыкающихся не превышает 10 особей, а редких — 1 особи на гектар. На бедных растительностью глинистых и каменистых равнинах плотность населения среднеазиатской черепахи обычно менее 1 особи на гектар. И этот вид действительно редок в местообитаниях такого типа. Привёл эти примеры с использованием балльной шкалы в зоогеографических наблюдениях для того, чтобы показать очевидную объективность и жизнеспособность идей Александра Петровича.

Спустя много лет после встречи с Александром Петровичем трудно представить, как бы сложился мой путь в профессии, если бы не его активная поддержка. Где бы ни работал: в пустынях Казахстана или Таджикистана, Ирана или Узбекистана, часто вспоминал первую поездку в поле и учителя добрым словом.

Семь небольших фрагментов воспоминаний об Александре Петровиче Кузякине с тремя лирическими отступлениями

А. А. Вахрушев

Я не был по-настоящему прямым учеником Александра Петровича, я его «научный внук» (ученик ученика Александра Петровича — Юрия Соломоновича Равкина). Тем не менее, мне повезло — я работал вместе с Александром Петровичем и под его началом. И на всю жизнь у меня сохранились яркие воспоминания об этом замечательном и всесторонне талантливом человеке.

1-е лирическое отступление — о магии цифр. Александр Петрович придавал цифрам большое значение. Он на полном серьёзе не разрешал делать в диссертации, например, 4 или 6 глав («лучше 3, но можно и 5 или 7», — говаривал он). Поэтому и в воспоминаниях об Александре Петровиче я постарался использовать ту же самую магию цифр (7 воспоминаний, 3 лирических отступления, 3 жизненных урока).

1-е воспоминание. Я ещё школьник и вместе со своим первым и главным учителем Петром Петровичем Смолиным (ППС) я занимаюсь изучением птиц: мы работаем с коллекцией тушек в МОПИ имени Н. К. Крупской, собранной Александром Петровичем. В отличие от других коллекций в пединституте у А. П. Кузякина нам разрешали потрогать и подержать птиц в руках. Именно благодаря А. П. Кузякину мы все и стали орнитологами, потому что по иллюстрациям птиц не выучишь. Как я понимаю уже задним числом, Александру Петровичу, конечно же, было жаль испорченных нами тушек (дети!), но он как никто другой понимал и важность приобщения детей к природе. И в этом плане они с ППСом были солидарны. В тех воспоминаниях самого Александра Петровича Кузякина не было, но была его